



ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

THE HUMANITIES

УДК 008

В. Н. Волков

V. N. Volkov

Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма, г. Москва
The Academy for Professional Retraining in Art, Culture and Tourism, Moscow

АРХАИКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

RUSSIAN CULTURE ARCHAIC CHARACTER AND RUSSIAN SOCIETY MODERNIZATION

Почему традиционное российское сознание отторгает либеральную модель модернизации? Почему оно считает либеральные ценности не только чуждыми, но и абсолютно неприемлемыми, связанными с кознями дьявола? На наш взгляд, проблемы общества, заявляющего о своем стремлении к модернизации, лежат прежде всего в его культуре и ментальности. Исторические коллизии его развития лежат в поле противоречий между тем, что диктует жизненная необходимость, и закрепленными в культуре архаическими схемами и стереотипами сознания.

Why does the traditional Russian consciousness reject liberal model of modernization? Why does it consider the liberal values not only alien, but absolutely unacceptable and associated with snares of the devil? In our view, the problems of the society, which has announced its desire to modernize, lie primarily in its culture and mentality. Historic collisions of its development lie in the contradictions between what is dictated by the vital necessity and what is embodied in the culture with the help of archaic and stereotyped patterns of consciousness.

Ключевые слова: ментальность, ценности, должное, сущее, традиционализм, модернизация.

Keywords: mentality, values, due, subsistence, traditionalism, modernization.

Одним из важнейших ментальных архетипов, диктующих традиционному сознанию определенные правила понимания и действия, является дихотомия «должное/сущее»; она выступает в сознании традиционалиста в императивной, суггестивной, бессознательной форме, властно предписывая, как думать, чувствовать, поступать. Для традиционалиста свойственна конкретика индивидуального и коллективного мышления; погруженный в миф, он оперирует не понятийными категориями всеобщего, а конкретной семантикой единичного; иначе говоря, он переживает явление конкретно-образно, не осмысливая его сущность.

Русская ментальность изначально отягощена стремлением к истинам аподиктическим; в качестве таковой неизменно выступает тяга к потустороннему — возвышенному и чистому идеалу, русской идее, царству абсолютной *истины, добра и красоты*. Это царство абсолютное как изначальный синкретизм, проявление высшего совершенства, как идеализированный образ родовой жизни, вечного трансцендентного *рода*. С этим архетипическим символом связано отрицание реальной истории, поскольку она разрушает синкретизм социокультурного мифа.

Русское стремление к абсолютному предполагает отторжение окружающей реальности *сущего*, которая понимается как недостойная серьезных рассуждений. Ее можно лишь осуждать. Отрицание «посюстороннего» мира как «лежащего во зле» и страстный порыв к «потустороннему» миру русской мечты составляют ядро русского традиционного сознания, впитавшего в себя манихейское деление мира на абсолютное добро и абсолютное зло.

Окрашенные в эсхатологические тона элементы восприятия окружающего мира присутствуют не только в религиозном, но и в русском сознании вообще. В процессе нашего исторического развития возникает смысловой ряд, включающий в себя крестьянскую утопию, Святую Русь, коммунизм и другие образы золотого века. Парадокс в том, что Святая Русь, где реализуются идеалы *абсолютной истины, добра и красоты*, мирно уживается с Россией массовых политических репрессий, доноительства, ГУЛАГа, неустроенной жизни, жалкого быта, мата (который, по сути, является нормативной лексикой), безликих городов, уродливых строений, провонявших мочой лифтов, загаженных автобусных остановок, автомобильных

пробок, прогнивших заборов, заваленных мусором лесов, отравленных промышленными отходами рек, непролазной грязи, тягостной нищеты, нравственного убожества, повсеместного хамства, беспробудного пьянства и показного, вызывающего русского богатства. Между декларируемыми целями и объективной реальностью пролегает огромная дистанция.

Все это кажется случайным и преодолимым, но на самом деле оно производно от стремления к недостижимому *абсолюту*, ибо предполагает отторжение от окружающего мира. Здесь «работает» неустрашимая изнутри самоорганизация культуры. По сути дела, как это ни парадоксально, возвышенный идеал и мерзкая реальная жизнь — две стороны одной медали, взаимопорождающие и обуславливающие друг друга структуры. Для того чтобы разобраться в этом парадоксе, нужно обратиться к таким сущностям, как *должное* и *сущее*, сформированным в рамках традиционной культуры. *Должное* и *сущее* — особая структура, концепт, с помощью которого познается и переживается мир. Антиномия *должного* и *сущего* является базовой для русского традиционного сознания. Европейская картина мира обращена к реальности и опирается на нее. Картина же *должного/сущего* осознается как вечная, неизменная, надмирная конструкция. Она ориентируется не на эмпирическую реальность, а на системообразующее ядро традиционной культуры, которое и определяет смысл *должного*.

Должное понимается как предвечная природа бытия, которая существовала в сакральном прошлом и возобладает в эсхатологическом будущем. *Сущее* же — это мир окружающей человека эмпирической реальности, рассматриваемый сквозь призму *Должного*. *Сущее* является искажением идеала, не имеет собственной природы. В отличие от *должного*, которое подлинно, *сущее* не вполне подлинно. И если удастся снять то, что «мешает», избавиться от несовершенств и грехов, *должное* явит себя во всей полноте. *Должное* — это нормативная модель, Божий замысел о мире. Называть эту модель можно по-разному — *русская мечта*, *Святая Русь*, *коммунизм*, *русская идея*, *духовность*. Все эти лики *должного* меняются и высвечиваются в зависимости от контекста, эпохи, социального слоя, но всегда сохраняют глубинную суть. С одной стороны, *должное* относится к сфере запретного, неотмирного, трансцендентного, потустороннего. С другой — *должное* обязано неизбежно осуществиться. Достижение *должного* мыслится как внезапный скачок в развитии, как чудесное преображение реальности. К нему можно прийти через предельное напряжение, аскетическую верность идеалу и страстное желание его осуществить.

Принадлежность к культуре, которая исходит из ущербности реального и ориентирует человека на противоречащий жизненному опыту идеал, задает сильные напряжения в структуре личности. Сознание, ориентированное на традиционные ценности, переживает фундаментальный конфликт. Человек стремится

к выходу за грань реальности, его понятия о ценностях становятся двойственными, возникает разлад с самим собой. Отсюда — утопические порывы, непрестанные разговоры об идеалах, высших ценностях. Лозунги построения коммунизма к 1980 году, обеспечения отдельной благоустроенной квартиры каждой советской семьи к 2000 году, построения развитого капитализма к 2020 году — из этой же серии.

Должное не опирается на реальность, не учитывает природу реальных вещей и отношений, но отменяет ее как неподлинную. *Должное* предзадано, автономно от действительности, не подлежит ее суду и не соотносится с ее законами. Конечная цель традиционалиста — слиться с *должным*. Пока же этого не случилось, традиционный субъект живет в мире *сущего*, напряженно сверяя его с идеалом и определяя меру его уклонения от *должного*.

Если *должное* имеет массу прекрасных имен, то *сущее* словно бы табуировано — составляя основу реальной жизни, оно не именуется, ему избегают давать названия. Обычно, говоря о *сущем*, пользуются уничижительными оборотами типа «гнусная обыденность», «тусклая жизнь», «сволочная действительность», «мерзопакостная реальность» и т. п. *Сущее* не может быть переделано в *должное*, преобразовано в него методом последовательных изменений. Упорядочивая, обустривая, оптимизируя мир, мы все равно не придем к *должному*, а только погрязнем в мире *сущего*. Поскольку *должное* принципиально трансцендентно, то есть лежит за пределами опыта, оно не может быть создано из реальности. *Сущее* может лишь пресуществовать в *должное*. Оно брезжит в некой конечной точке, где завершается история и наступает *вечность*.

В советскую эпоху рождение нового мира понималось как чудо, а посему требовало особых, чрезвычайных усилий, невиданного напряжения, невероятных жертв и жуткого террора, тотальной чистки общества от всех, кто не был достоин этого прекрасного и ужасного чуда. Других путей преодолеть пропасть и, исходя из *сущего*, войти в *должное* просто нет. В архаическом сознании чудесное преображение должно было обязательно сопровождаться неисчислимыми жертвами. Неслучайно Павка Корчагин, Павлик Морозов, Александр Матросов становились символами этой грядущей трансмутации. Все считали, что жертвы были не напрасны, они были необходимы, эти люди отдали свою жизнь за нас, за наше светлое будущее! Миллионные жертвоприношения переживались как необходимое сопровождение перехода к новой, высшей реальности *должного*. Ближайший аналог описанной модели сознания — классическое средневековое сознание Западной Европы, где тоже доминировала идея *должного* и народы «болели» христианской утопией, боролись с инакомыслием, еретиками, ведьмами, колдунами. Масса людей умирала и убивала других из-за различия в трактовке идей, имеющих мало общего с их реальным бытием. Эпоха господства

христианской утопии была периодом варваризации и всеобщего одичания.

Изживание утопии и средневекового понятия о *должном* — один из узловых моментов Нового времени. Мир *сущего* был восстановлен в своих правах. Мир *должного* был изгнан из социально-политической и хозяйственной сфер и переместился в область личностных идеалов, религиозно-нравственных норм. Переход к Новому времени связан с секуляризацией, выходом на историческую арену самостоятельной личности. Культура Западной Европы перешагнула через христианскую утопию, архаизм, традиционализм, а Россия застряла в них вплоть до XXI века. Запад давно отверг *должное*, а русская культура осталась ему верна. Закономерно возникает вопрос: так ли безобидна российская приверженность *должному*, о которой не устают говорить идеологи традиционалистской ориентации? Перед нами итоги XX века. Мы можем констатировать, что Россия пережила фундаментальное, ошеломляющее историческое поражение. Она предложила человечеству особую стратегию бытия, программу построения рая на земле. На это были потрачены неисчислимые ресурсы, жизни нескольких поколений, пролиты реки своей и чужой крови, совершены миллионы злодеяний. Но «цель оправдывает средства» — все это окупалось достижением великой цели. Награду себе Россия видела в том, чтобы занять место лидера обновленного человечества, стать царством *божественной истины*, центром духовного преобразования землян.

Что мы имеем в итоге? Россия надорвалась, израсходовала все внутренние и внешние ресурсы и до сих пор еще не может осознать, что зашла в исторический тупик. Империя распалась, экономика не соответствует мировым тенденциям и плохо решает задачи простого выживания общества. Огромные территории России обезлюдели, мы наблюдаем физическое вымирание населения, утрату русскими территории и численности, реальные центробежные тенденции, которые способны расколоть страну на отдельные части. Россию покинули все те, кто мыслился ее союзниками, друзьями. Верность *должному* в XX веке обошла Россию в десятки миллионов человеческих жизней. За сто лет мы не только не приблизились (хотя и выдвигали лозунг «Догнать и перегнать!»), но во многом еще больше отстали от Запада. Эта верность *должному* стоила ресурсов, количество которых не поддается исчислению, подняла многочисленные волны эмиграции, породила в мире широкое отчуждение от России и русских.

По мере вхождения России в глобальный контекст модернизации болезненность несоответствия между *должным* и реальностью проявляется все более остро. До невероятных размеров разрастается мифология неких абсолютных и вечных ценностей как единственно возможных для русского человека жизненных ориентиров. Соответственно, возникает идея, что чрезмерная погруженность в мир *сущего* предосудительна

и греховна. Мир *должного* — это мир, в котором человек постоянно создает себе трудности, преграды, подвергает себя в хаос, ибо в противном случае он «рискует забыть о вечном». Вот и живет носитель архаических ценностей неустроенной жизнью, которая, по его мнению, и есть свидетельство его правильной ценностной ориентации.

Историческая динамика базируется на секулярной автономной личности, комфортно обустроенной в мире, озабоченной тем, как еще удобнее его обустроить, сделать более эффективным, приумножать достаток. Соединить слегка модернизированного традиционного субъекта с задачей достижения исторической динамики не получается. Верность *должному* в стране, которая претендует на модернизацию, имеет печальные последствия. Она означает неспособность к исторической динамике, неспособность войти в будущее. Технологическая и экономическая динамика не вырастают из отвержения мира сего во имя мира грядущего. Человек, озаренный светом абсолютной божественной истины, испытывает миссионерский зуд, ощущение богоизбранности, стремится оказать благодеяние, превозносит власть русской идеи, империи, православия, несущих свет истины непосвященным. Оставаясь в мире *должного*, страна обречена на дальнейшую маргинализацию и деградацию, утрату территорий, исторической перспективы. Мы уже привычно наблюдаем за тем, как все, в ком остался здравый смысл, бегут из России (традиционалисты привычно называют таких людей предателями и изменниками).

Безоглядная верность *должному* обрекает человека на дискомфорт и мучения, вызванные несоответствием собственной жизни идеалу. Отсюда тревога, чувство вины, юродство, агрессия, ненависть к людям, свободным от обязательств перед *должным*. Посвятив себя *должному* и отвернувшись от мира сего, Россия сама избрала путь мучений. Глубинная основа российского неприятия Запада — отторжение цивилизации, принявшей этот мир и комфортно в нем обустроившейся. Веками россиянин не знал о существовании альтернативы, жил в дискомфорте и мучился привычно. Но как оставаться приверженным абсолютному добру сегодня? Отменить Интернет, телевидение, восстановить «железный занавес», выбросить мобильный телефон, компьютер, забыть о Западе, затянуть пояса и дожидаться чудесной трансмутации реальности?

Почему традиционалист люто ненавидит либералов и либерализм? Традиционно ориентированный субъект часто даже не может сформулировать причину своего органического неприятия либеральной демократии. А она в том, что либерализм отменяет *должное*, в его основе — реальный человек. Либеральная парадигма в принципе не ориентируется на достижение социального идеала. Она стремится создать оптимальное общество, в котором негативные моменты и асоциальные тенденции сводятся к минимуму. Такое общество не застраховано от заблуждений.

Либеральная модель позволяет преодолевать заблуждения и бороться с пороками, не более того. Иными словами, вместо небесной идиллии *должного* либеральный проект задает принципиально земную ориентацию.

Концепция реальности возникает только в постсредневековом, новоевропейском сознании. Осознавая себя живущим в мире реальности, человек создает свой мир, опираясь на доступное ему понимание законов этой реальности. Цивилизация предполагает жизнеустройство, подчиненное общепринятым, понятным правилам. Если же они отсутствуют или имитируются, то это признак того, что государство и общество пребывают в доцивилизационном, предцивилизационном состоянии. Традиционалист может только имитировать цивилизованность, так как реальное его не интересует. С его точки зрения, принятие мира *сущего* без одухотворяющего *должного* есть беда низменных страстей. Забавно наблюдать за традиционалистами, которые призывают ориентироваться на *должное* и в то же время разъезжают на мерседесах, носят дорогие часы, сидят в Интернете и говорят по мобильному телефону. Понятно, что далеко не каждый традиционалист желал бы оказаться в средневековье, — он тоже хотел бы жить в современном обществе и пользоваться его благами, но в данном случае мы имеем дело с явным уклонением от *должного* в сторону *сущего*.

Мечта о чудесном достижении полного и окончательного счастья противоречит задаче либеральной модернизации с целерациональностью, секулярностью, демократическими процедурами, противостоит парадигме постепенного улучшения мира. Процессы модернизации разворачиваются в сфере реального. Идеи *должного* и *сущего* заменяются иной парадигмой, которая рождает протест у носителей *должного*, ибо для того, чтобы иметь дело с реальностью, нужно обладать качествами, которые отсутствуют у средневекового человека. Традиционалисты чувствуют свою неспособность победить секулярный Запад в конкурентной борьбе. Отсюда — двойственное отношение к «врагу»: страстная ненависть и скрытая зависть, поскольку есть подспудное желание удовлетворить насущные потребности. Отсюда и безнадежное ожидание краха, отринувшего *должное* мира западного буржуа. Традиционализм рассматривает общество модерна как антикультуру, которой нужно противостоять. Все идеологи *должного* вещают о крахе растленного, прогнившего Запада. Богомерзкий Запад должен рухнуть, потому что не должен жить, развиваться, процветать мир, отринувший *должное*! На деле это ведет к пропаганде изоляционизма и поиску врагов. Примером тому являются шабаша, которые устраивают так называемые «*наши*», демонстративно сжигающие

«доллар» на площадях, объявляющие Россию «историческим и географическим центром мира», свободе которой якобы угрожают США и внутренние враги — «союз коммунистов, фашистов и либералов, объединенных общей ненавистью к президенту».

Модернизация предполагает полноту самоосуществления личности в горизонтальной плоскости бытия; ей свойственны постепенность, последовательность улучшений, утилитарность и прагматизм. Этими чертами обладает социокультурная среда государств модерна, насыщенная инновациями, чему способствует динамизм хозяйственной жизни. Успешность в хозяйственной деятельности предполагает создание новых товаров, услуг, рынков, что дает возможность субъектам экономической деятельности получать наибольшую прибыль. Происходит регулярная структурная перестройка хозяйства, генерирование и использование новаций становится жизненно важным элементом жизни общества. Инновационные артефакты, смыслы, явления опосредуют отношения человека с миром, заполняя пространство отчуждения между ними. То, что традиционалисту представляется проявлением бездуховности и мещанства, с точки зрения модернизации является процессом гармонизации мира и интеграции человека в культурный космос.

Само существование варваров является побочным продуктом цивилизации. И чем больше цивилизация разлагает отстающий мир, тем более воинственным он становится. Но проходя путь возрастающего противостояния до конца, варвар однажды перерождается; противясь силе, которая его разлагает, он сам приобщается к цивилизации. Иначе говоря, в своем противостоянии цивилизации варвар постепенно перестает быть варваром. Россия, которая противостояла Западу, всегда сравнивала себя с Западом, отставала от него, пыталась его догнать. Ныне она должна перейти от противостояния к интеграции. Традиционализм характерен прежде всего для маргинализирующихся носителей анахроничных ценностей. Институциональный хранитель *должного* — средневековая православная церковь, которая не способна не только сама вписаться в модернизационный процесс современного мира, но и привлечь людей этого модернизирующегося общества.

Если мы не сможем найти адекватные ответы на вызовы эпохи, то неизбежно будем обречены на отсталость и беспросветность. Нам необходимо кардинально трансформировать сознание, перестроить те глубинные мировоззренческие установки, на которых вырастают тупиковые идеологические конструкции. Иначе на наше место придут новые люди и принесут новые идеи. А нас просто выметут, как сор, и мы окажемся на обочине человеческой цивилизации.